PG 3115
.K64
Copy 1

PG 3115
.K64

N. Kostomarov.

Могильныя преданія.

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GPO

Kostomarov, Nikolai Ivanovich,
1817-1885.
Mogil'nyia predaniia
PG 3115
.K64

МОГИЛЬНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

I.

ДѢТСКАЯ МОГИЛА.

Бодай тая степовая
Могила запала!
Малорос. нар. пѣсня.

Извѣстно, какое множество могилъ у насъ въ Южной Руси. Для тѣхъ, кто незнакомъ съ мѣстнымъ образомъ выраженія, замѣтимъ, что могилою у насъ называется не только мѣсто, гдѣ погребено мертвое тѣло, но и большой холмъ, насыпанный человѣческими руками, то, что̀ въ Великороссіи называется курганъ. Иногда даже называютъ могилою и естественное возвышеніе земли. Наши могилы почти единственные остатки сѣдой древности; онѣ однѣ служатъ наглядымъ свидѣтельствомъ, что страна наша не была необитаема въ тѣ времена, о которыхъ не осталось никакихъ другихъ писаныхъ свидѣтельствъ, кромѣ страницъ Геродота и Страбона, гдѣ въ непроницаемомъ мракѣ такъ часто трещатъ ученыя головы, ударившись невзначай о какой нибудь народецъ съ исковерканнымъ именемъ. Языкъ нашихъ могилъ теменъ, загадоченъ, для изученія труднѣе клинообразныхъ и гвоздеобразныхъ надписей, но эта самая темнота заключаетъ въ ссбѣ много увлекательнаго, много такого, что щекочетъ воображеніе, обдаетъ его плѣнительнымъ фантастическимъ полусвѣтомъ и позволяетъ ему разгуливать на свободѣ въ области собственныхъ вымысловъ. Впрочемъ, не одна далекая древность, лишенная письменнаго помина, — и наши

средніе вѣка, вѣка нашего удальства, юношескихъ страстей и поэзіи, записаны на родной почвѣ могилами. Могилы замѣняютъ для насъ и готическія ратуши, и руины рыцарскихъ замковъ, которыми такъ богата историческая почва Западной Европы. Какъ съ каменными зданіями на Западѣ, — у насъ съ могилами связаны богатырскія преданія и легенды. Какъ на Рейнѣ развалины Драхенфельса напоминаютъ единоборство Зигфрида съ змѣемъ, такъ на Днѣпрѣ насыпи Змѣинаго Вала связаны съ разсказами о подвигахъ русскаго Зигфрида, Кирилла Кожемяки. На Западѣ два-три обломка каменной стѣны, поросшіе плющемъ и кустарниками, съ высокой горы угрюмо озирающіе жизнь новыхъ поколѣній, напоминаютъ путнику о какомъ нибудь богатырѣ крестовыхъ походовъ, а память нашего Сѣрка или Нечая остается въ степныхъ могилахъ, насыпанныхъ надъ ихъ тѣлами вѣрными товарищами. Вся прошлая жизнь наша, съ ея раздѣлительными эпохами отпечаталась въ этихъ земляныхъ насыпяхъ, которыми исторія избороздила по всѣмъ направленіямъ наши южныя провинціи.

Наружность нашихъ могилъ разнообразна, какъ вѣка, отъ которыхъ онѣ остались. Есть могилы съ острыми верхами, крутобокія до того, что почти нѣтъ возможности взойти на вершину; другія, напротивъ, представляютъ бока отлогіе, расплюснутые, иногда въ одну сторону, иногда во всѣ стороны, съ закругленными широкими площадками на верхахъ, куда воображеніе такъ и порывается помѣстить хороводъ славянскихъ дѣвицъ, пляшущихъ и поющихъ весеннія пѣсни богу солнца. Иногда вы ѣдете по дорогѣ и замѣчаете въ сторонѣ могилу; издали вершина ея кажется такою широкою, что, повидимому, можно бъ было на ней, сидя въ честной компаніи, распивать чай вокругъ самовара, но когда вы туда взберетесь, то очутитесь на краю углубленія, обведеннаго съ трехъ сторонъ круглою земляною стѣною, а съ четвертой увидите входъ, прорѣзанный въ земляномъ кругѣ. Въ такихъ могилахъ попадаются угольки, подстрекающіе воображеніе создавать языческихъ жрецовъ, приносящихъ жертвы, можетъ быть, человѣческія, слышать ихъ дикіе гимны, смѣшанные съ жалобными стонами жертвъ, обреченныхъ на умилостивленіе какой нибудь каменной бабы или безобразнаго деревяннаго чурбана. Безспорно, могилы этого рода самыя древнія: нельзя придумать, для чего бы годилась такая форма въ позднѣйшія времена. Въ иныхъ могилахъ углубленіе доходитъ до самого уровня земли; въ другихъ же увидите наверху яму аршина въ три или четыре глубиною и станете подозрѣвать подъ землею обвалившійся склепъ, съ тайнами археологіи или безъ оныхъ. Нѣкоторыя могилы обведены

двумя земляными полукругами съ двумя входами, другія цѣлымъ кругомъ, съ прорѣзомъ прямо противъ углубленія, а иныя оторочены земляными валами въ разнообразныхъ, затѣйливыхъ направленіяхъ. Иногда встрѣтите одинокую могилу, иногда двѣ-три на равномъ разстояніи одна отъ другой, а иногда глазамъ представится цѣлый могильный городъ: могилъ двадцать, тридцать, даже пятьдесятъ и болѣе разной величины, и между ними одна, самая высокая. Такова, между прочимъ, Перепетовка, эта царица могилъ, столь щедро наградившая трудолюбіе профессора Иваницева. Есть могилы до того высокія, что ихъ видно за двадцать верстъ, есть, напротивъ, такія низкія, что ихъ примѣтишь только тогда, когда на нихъ наступишь. Но даромъ, что онѣ малы: народная фантазія побуждаетъ рыть въ нихъ клады охотнѣе, чѣмъ въ большихъ; въ особенности, если онѣ стоятъ невдалекѣ отъ большихъ. Между разными теоріями о кладахъ, существуетъ и такая, что зарыватели кладовъ насыпали большія могилы для отвода, а въ самомъ дѣлѣ клали сокровища въ маленькихъ.

Поэтическое чувство народа съ любовію обращается къ этимъ почтеннымъ старушкамъ роднаго края. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ могила часто бываетъ свидѣтелемъ и грусти одинокаго бурлака, оплакивающаго утраченную молодость, и раздумья чумака, среди длиннаго пути, въ чужой сторонѣ, вспоминающаго о женѣ и *дробныхъ* дѣтяхъ, и грустно-веселыхъ порывовъ молодой жизни парубка, наигрывающаго на своей дудочкѣ про милую, и томнаго прощанія любовниковъ, разлучаемыхъ лихою долею. Преданія самыя роскошныя, самыя затѣйливыя носятся надъ могилами. Но такъ какъ житейская проза всегда беретъ верхъ надъ минутнымъ увлеченіемъ, то и могилы въ народной фантазіи болѣе всего представляются хранилищами положенныхъ Богъ-знаетъ когда и Богъ знаетъ кѣмъ сокровищъ. Склонность къ кладоискательству у нашихъ поселянъ довольно извѣстна. Не беремся изслѣдовать, откуда она происходитъ. Можетъ быть, это естественное стремленіе человѣка искать лучшаго за кругомъ настоящей жизни; а можетъ быть, утомленный подъ гнетомъ тяжелой и часто для него самого безполезной работы, труженикъ-поселянинъ чувствуетъ, что гдѣ-то зарытъ непроизводительный капиталъ, который онъ имѣлъ бы право достать, еслибъ зналъ, гдѣ онъ подлинно и какъ добывается.... и вотъ онъ ищетъ его въ могилахъ бездушныхъ и воображаетъ, что посреди ночи, вооружась желѣзною лопатою, можно было бы вырыть котелъ съ золотомъ и серебромъ, еслибъ злые духи не окружали земляная казначейства и не пугали искателя разными чудовищными образинами. Кладоискатели обыкновенно бываютъ не-

счастны въ своихъ предпріятіяхъ, потому, что не обладаютъ достаточнымъ запасомъ смѣлости и отваги, чтобъ не испугаться привидѣній; только немногіе смѣльчаки, — передовые люди борьбы человѣчества съ привидѣніями, выдерживали всякіе страхи, всѣ навожденія нечистой силы, добывали клады и потомъ смѣялись надъ хвастунами, когда они сперва примутся за дѣло горячо, а потомъ и бѣгутъ безъ оглядки, коль скоро безобразное чучело высунетъ изъ-за дерева или изъ-подъ земли свою отвратительную рожу. Могильные разсказы и преданія богаты не только поэзіею страха, но и комизмомъ. Даже и для изслѣдователей древности наши могилы готовы доставить много комическаго: археологъ, не искушенный опытомъ, легко можетъ принять за мавзолей скифскаго царя какой нибудь остатокъ селитренаго завода.

Въ дачѣ нашего села Генделивки чрезвычайное множество могилъ всякаго калибра. Есть мѣсто, называемое «каминье», гдѣ сорокъ-двѣ могилы стоятъ одна близь другой, а посреднѣ одна очень, очень высокая, вѣчно съ голой вершиной, лишенная травы отъ солнечнаго жара. Другія разсыпаны по полямъ въ разныхъ направленіяхъ. У могилъ есть свои особыя названія, напримѣръ: Гостра, Чорна, Широка, Гудунъ-могила, Козарьска могила. Одна такая могила стоитъ себѣ отдѣльно, безъ товарищей по крайней мѣрѣ на полверсты, и называется *дитяча могила*, т. е. дѣтская. Она не принадлежитъ къ очень высокимъ, не трудно взойти на нее, нѣтъ въ ней замѣчательнаго углубленія. Но свое названіе она получила отъ ужаснаго происшествія, случившагося, по народному преданію, въ давніе годы.

Въ этомъ селѣ жилъ когда-то бѣдный чередникъ (коровій пастухъ). Жизнь пастуховъ въ нашихъ южнорусскихъ селахъ незавидна. Обыкновенно въ пастухи идетъ самая послѣдняя голь, тотъ, у кого ни вола, ни коня, кто не можетъ пахать земли: порядочный мужикъ никогда не пойдетъ въ пастухи ужь изъ того только, чтобъ дѣтей его и внуковъ не укоряли тѣмъ, что въ роду ихъ былъ пастухъ. Мы, какъ извѣстно, давно прошли періодъ номадовъ: неудивительно, что земледѣльческая жизнь у насъ предпочитается пастушеской. Чередникъ не сѣетъ, не жнетъ, живетъ тѣмъ, что даютъ ему за шатаніе въ поляхъ за скотиною, а это вознагражденіе таково, что можетъ назваться почти подаяніемъ. Получаетъ онъ обыкновенно копѣекъ двадцать или тридцать ассигнаціями съ головы, и получитъ онъ такимъ образомъ много-много рублей шесть серебромъ въ годъ, да сверхъ того дадутъ ему когда нибудь изъ милости сала или пшена. Изъ этого онъ долженъ прокормить и себя, и семью, и теплую одежду и обувь купить себѣ, и женѣ, и дѣтямъ,

и подушное заплатить, и барину оброкъ дать, потому что онъ не работаетъ панщины, а если жену или дѣтей гоняютъ на панщину, такъ это за нихъ самихъ, а не за него. Народъ же въ панскомъ селѣ не богатъ и не щедръ на подарки; хозяева говорятъ ему: «что твоя работа? земли ты не роешь, косой не машешь, сидишь себѣ на бугрѣ да посматриваешь за стадомъ. Что это за работа?» А какъ приглядѣться хорошенько, такъ право работа чередника самая претрудная; въ жаркій день на солнцѣ, въ непогоду на дождѣ, вѣчно на ногахъ, вѣчно долженъ смотрѣть въ оба, чтобъ какая нибудь своеправная скотина не забѣжала въ хлѣба или въ сѣнокосъ; бѣгаетъ онъ то въ ту, то въ другую сторону, оретъ на скотовъ во все горло, позже всѣхъ ложится, пока хозяйки разберутъ пригнанное въ село стадо, раньше всѣхъ встаетъ принимать отъ хозяекъ коровъ. А сохрани Богъ, какой нибудь гуляка-бугай ворвется въ заповѣданную нескошенную полосу и увлечетъ за собою свой гаремъ: тутъ чередникъ и отдувайся вычетомъ изъ жалованья,—а коли поймаютъ, такъ и спину набухаютъ; если же стадо сдѣлаетъ набѣгъ на панскій хлѣбъ, то чередника вздуютъ такъ, что цѣлую недѣлю на больное мѣсто нельзя будетъ сѣсть. Поэтому никто такъ не радъ осени, какъ чередникъ; когда хлѣба снимутъ, тутъ ему раздолье; всюду онъ ходитъ, и ходитъ привольно. Лѣтняя же пора — истинное мученіе для чередника. Впрочемъ, не бываетъ горя безъ свѣтлыхъ, хоть бы и короткихъ минутъ; такъ и горькое для чередника лѣто услаживается однимъ Петровымъ днемъ. Тутъ чередникъ съ самого утра загоняетъ скотъ въ какую нибудь кошару, а хозяева должны выкупать, т. е. платить череднику его жалованье. Тогда, сверхъ уговора, хозяйки приносятъ ему и женѣ его малую толику сыра, сметаны, сала и т. п., и долго послѣ того, вздыхая, вспоминаетъ чередникъ счастливый Петровъ день.

Охримъ,—такъ звали нашего чередника,—былъ бѣднѣйшій изъ своей собратьи. Его кривобокая хата рулаго цвѣта съ полусогнившею хворостяною трубою торчала на краю села почти безъ двора и огорожи: только около огорода, гдѣ были посажены бураки и капуста, уцѣлѣли кое гдѣ остатки плетня: нѣкогда окружалъ онъ и весь дворъ, да мало по малу истребила его хозяйка на топливо. Охримъ боялся итти въ панскій дворъ просить хворосту на поправку плетня. Да и на что ему? Плетни около двора заплетаются на то, чтобъ скотъ и птица не сбѣгали со двора, да чтобъ ворамъ не такъ было удобно забираться. А у Охрима не было никакой домашней животины, кромѣ кошки, чрезвычайно тощей, осужденной снискивать себѣ пропитаніе одною охотой; не было у Охрима никакой домашней птицы, кромѣ воробьевъ подъ соломою крыши

Воровъ бояться ему было нечего. Бѣденъ былъ Охримъ, былъ онъ и лѣнивъ; былъ онъ то, что называется по малороссійски *ледащо*. Зимою, когда нельзя пасти скотины, онъ ровно ничего не дѣлалъ и большую часть времени пролеживалъ на печи; а когда такая лежня ему наконецъ надоѣдала по своему однообразію, то принимался за какую нибудь поправку по домашнему обиходу и никогда не кончалъ своего дѣла. Такъ, напримѣръ, когда двери хаты безпрестанно отворялись и холодъ безпокоилъ его на печи, онъ принялся поправлять дверь; первый мѣсяцъ онъ только осматривалъ ее да примѣривался къ ней со всѣхъ сторонъ, да придумывалъ, съ чего бы ему начинать; во второй мѣсяцъ сталъ стругать деревянный колокъ; работалъ этотъ колокъ для того, чтобъ, входя въ хату, можно было, взявшись за него, захлопнуть дверь. Едва къ веснѣ окончилъ Охримъ свой колокъ, а тогда теплая погода позволяла уже держать хату и настежъ. Жена его была съ придурью: хотя въ свободные дни отъ барщины и нанималась она поденно полоть, грести, жать и вязать, да ей давали меньше, чѣмъ другимъ, и даже не считали большимъ грѣхомъ недодать всего, что слѣдовало, а доплачивали насмѣшками: все это за то, что она болтала глупѣе другихъ. Неудивительно послѣ этого, что Охримовы ребятишки ходили босикомъ по морозу, и самъ Охримъ съ жинкою и дѣтьми кормился большую часть года однимъ чернымъ хлѣбомъ съ водою; въ голодные же годы иногда не доставало и этого, и бѣдная семья продовольствовалась по нѣскольку дней соленой водой съ мякиною. Правда, въ огородѣ у нихъ сажалась капуста, но больше для чужихъ свиней, которымъ былъ всегда свободный доступъ въ огородъ; оттого часто у бѣдной Охримихи не изъ чего было сварить борщу. Въ селѣ не безъ добрыхъ людей: давали череднику и женѣ его и сала, и пшена, и сыру, да Охримъ съ женою не любили сберегать про запасъ: поѣдятъ въ два-три дня то, чего могло бы стать на мѣсяцъ; и не столько поѣдятъ, сколько поразбросаютъ, такъ, что у нихъ раскрадутъ и кошки и собаки, а потомъ и голодаютъ сердечные!

Однажды вечеромъ,—это было осенью, — Охримъ гналъ стадо въ село и остановился съ нимъ на косогорѣ, гдѣ былъ недавно снятъ хлѣбъ; скотъ жадно пустился объѣдать остатки колосьевъ на *стерни*, какъ называется въ Южной Руси сжатое поле. Охримъ сѣлъ себѣ на пригоркѣ и заигралъ на сопилкѣ «Долю». Охримъ былъ мастеръ играть на сопилкѣ; онъ также отлично работалъ сопилки; онъ даже ихъ продавалъ; его сопилки были въ славѣ не въ одномъ его родномъ селѣ, знали ихъ и въ сосѣднихъ селахъ, да никто не умѣлъ играть на нихъ лучше самого Охрима.

Онъ игралъ больше печальныя пѣсни, подходившія и по содержанію и по звукамъ къ его судьбѣ. Самъ онъ былъ нрава задумчиваго и грустнаго. Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ сѣлъ такимъ образомъ Охримъ, былъ оврагъ, а за нимъ стояла могила, названная послѣ «дитячею». Охримъ больше и больше входилъ въ игру; между тѣмъ солнце заходило; лиловая полоса оторачивала горизонтъ, и сумракъ тихо спускался на землю. Охримъ вдругъ припомнилъ, что уже пора гнать стадо, вскочилъ, крикнулъ на своихъ коровъ и поспѣшно погналъ ихъ по дорогѣ въ село. Дорога шла мимо могилы. Какъ только онъ поровнялся съ нею, и былъ отъ ней шагахъ въ пятидесяти, вдругъ услышалъ глухой ударъ, глянулъ на могилу и увидѣлъ, что наверху ея выходила изъ земли тонкая огненная струя съ голубоватымъ отливомъ; она вытягивалась въ воздухѣ какъ стрѣла, потомъ верхній конецъ началъ загибаться къ низу, а нижній отдѣлялся отъ земли и подымался до тѣхъ поръ, пока сдѣлался верхнимъ; тогда другой началъ уходить въ землю и мало по малу увлекъ за собой всю струю. Охримъ стоялъ, какъ вкопаный, дожидаясь еще чего-то: но больше ничего не было.

— Скарбъ! сказалъ Охримъ:—скарбъ перегораетъ! Видно мнѣ на роду написано его достать; онъ самъ теперь мнѣ о себѣ вѣсть подаетъ.

И сътревогою, и съ боязнію спѣшилъ Охримъ домой. Пока онъ добрелъ до села, боязнь совершенно уступила надеждѣ и мечтамъ: онъ видѣлъ себя хозяиномъ богатства, котораго количественной цѣнности не могъ себѣ и представить: не умѣлъ онъ считать далѣе ста. Когда онъ роздалъ коровъ и вошелъ въ свою бѣдную хату, въ немъ уже засѣдала другаго рода боязнь, чтобъ кто другой не подсмотрѣлъ того же и не воспользовался прежде него.

— Ну, жена, сказалъ Охримъ, разсказавши ей все, что видѣлъ:—теперь мы съ тобою не будемъ кланяться всякому изъ-за кусковъ и объѣдковъ, не буду я мокнуть на дождѣ за проклятою чередою. Можетъ быть въ могилѣ денегъ такъ много, что мы и панамъ за себя заплатимъ и вольную выпросимъ; перейдемъ въ вольное село, станемъ жить-поживать, каждый день ѣсть вареники, да сало, да медъ, а ты будешь ходить вся пестрая, пестрая.... рукава на сорочкѣ вышитые.... на шеѣ кораллы красные, да кресты серебряные, и очипокъ тебѣ куплю славный, парчевый, весь золотой! А, жена!

Охримиха предавалась сладкимъ грезамъ о нарядахъ не хуже провинціальной барыни, когда ей предстоитъ поѣздка въ Петербургъ. Но скоро воображеніе Охримихи дошло до границъ, за кото-

рыми память отказывала ей въ матеріалахъ, а въ изобрѣтательности отказала ей природа. Мужъ и жена рѣшили отправиться какъ можно скорѣе и вырыть кладъ, чтобъ другіе не опередили.

— Пойдемъ сейчасъ, закричала баба.

— Да,—катъ его матери! вскрикнулъ опомнившись отъ восторга Охримъ: — у насъ одна лопата, да и та тупенькая; не скоро дорѣешься до скарба, а скарбы кладутся глубоко. Бѣги-ко, жена, поскорѣй къ сосѣдямъ, пока спать не легли, да попроси взаемъ лопаты; скажешь, что, молъ, грядки будешь рано копать.

Жена прибѣжала къ сосѣдкѣ. Послѣдняя какъ только услышала, что Охримихѣ понадобилась лопата, такъ и залилась смѣхомъ и закричала:

— Твой чередникъ кладъ навѣдалъ въ могилѣ. Вы вѣрно собираетесь въ этужь ночь доставать его.

Разумѣется, такое восклицаніе сбило съ толку Охримиху. Она растерялась. Какъ? Чуть только они промежъ себя что нибудь залумаютъ, какъ ужь всѣ знаютъ! Экое несчастье! Она божилась, увѣряла всѣми святыми, обрекала на сухоту свои руки, на изломъ свои ноги, на погибель своихъ дѣтей, если мужъ ея что нибудь подобное видалъ. Въ селѣ ее почитали дурковатою, оттого хозяйка слушала ея божбы и смотрѣла на ея замѣшательство, не догадываясь, что попала въ самую правду, а чтобъ еще больше ради смѣха дразнить Охримиху, продолжала обличать ее.

— Неправда! неправда! Твой челникъ сегодня увидалъ огненнаго змѣя надъ могилой и теперь хочетъ съ тобою рыть кладъ.

— А чтобъ тому языкъ отсохъ, натуживаясь, кричала Охримиха. Это все онъ, дурень, вамъ набрехалъ! Не вѣрьте ему. Это ему съ дуру привидѣлоєь, а тамъ кладу нѣтъ, ей-Богу нѣтъ. Вотъ дуракъ! Не успѣлъ увидѣть и разболталъ! И за чѣмъ сюда заходилъ? А мнѣ, вишь, не сказалъ!

Кулинѣ (такъ звали хозяйку) и на этотъ разъ не вошло никакого подозрѣнія: привыкла она смотрѣть на Охримиху, какъ на дурочку. Всѣ такъ давно знали ее за лѣнтяйку, что было странно услышать отъ нея просьбу о лопатѣ. Кулина шутя сказала ей о кладѣ, а когда Охримиха своимъ испугомъ разсмѣшила ее, Кулина припомнила кое-что изъ преданій объ огненныхъ змѣяхъ, слышанныхъ въ дѣтствѣ, и случайно сказала то, что на самомъ дѣлѣ происходило съ Охримомъ. Чѣмъ больше конфузилась Охримиха, тѣмъ сильнѣе смѣялась Кулина. Она однако дала ей лопату, приговаривая: «ну, копайте, копайте, да и со мной подѣлитесь, коли найдете!

Прибѣжала Охримиха домой, принялась бранить мужа: зачѣмъ онъ разсказываетъ всѣмъ что̀ увидитъ, сердилась, зачѣмъ заходитъ къ Кулинѣ; въ сердце къ ней вкрадывались припадки ревности; она замахнулась на него лопатою. Охримъ хотѣлъ вступить въ свои супружескія права, схватилъ другую лопату и замахнулся на жену, отбивая направленный ударъ. Но къ счастью ударовъ не послѣдовало; супруги ограничились одними взмахами лопаты и потокомъ бранныхъ выраженій; потомъ начались объясненія, и Охримъ, ставъ на колѣни передъ образомъ, висѣвшимъ въ переднемъ углу, призывалъ его въ свидѣтели и накликалъ на себя разныя болѣзни, если онъ въ самомъ дѣлѣ куда нибудь заходилъ съ поля или кому-нибудь говорилъ о видѣніи. Тогда Охримиха заключила, что Кулина вѣдьма и заранѣе стакалась съ духами, чтобъ помѣшать имъ достать кладъ.—Хоть она и вѣдьма, сказалъ Охримъ: — а все таки кладъ достанется намъ, потому что онъ мнѣ явился; а кому онъ покажется, тому и достанется. Оно правда: Кулина вѣдьма; какъ же не вѣдьма, коли все знаетъ? а кладъ все таки достанется намъ, не ей. Оттого-то она и досадуетъ, что знаетъ, гдѣ кладъ, да не ей достанется, а намъ!

Взявши по лопатѣ, Охримъ и Охримиха побѣжали изъ села въ поле.

— Ну, жена, говорилъ Охримъ:—теперь нечистая сила будетъ намъ творить разныя перешкоды, пугать всякими страстями; да бояться не должно! Все это для одного примѣра, а взаправду это одна мана; коли ничего не испугаемся, такъ и кладъ достанемъ.

Черезъ полчаса были они подлѣ могилы. Храбро вскочилъ Охримъ на нее; за нимъ взбѣжала жена, и принялись копать.

— Эко диво! говоритъ Охримъ, проконавъ съ полъ-аршина:—что это какъ легко копается? вотъ такъ и слышишь, что кто-то подъ тобой землю поднимаетъ и выкидываетъ.

— На что мое женское дѣло, конаю пристально, а не утомилась, замѣтила Охримиха.

Копаютъ часъ, копаютъ другой; вотъ ужь яма аршина въ четыре. Вдругъ Охримова лопата ударилась о что-то желѣзное.

— Скарбъ! закричалъ Охримъ.

— Скарбъ! повторила Охримиха, пробуя въ то же мѣсто своей лопатой.

Принялись они обкапывать землю и вскорѣ появился передъ глазами огромный желѣзный котелъ.

— Какъ же мы его вытянемъ?—говорила Охримиха.

— А на что его вытягивать? отвѣчалъ Охримъ: — вотъ крышка: надобно поднять ее. Мы выберемъ изъ казана все, что тутъ

есть, да и покинемъ пустой казанъ: пускай кто-нибудь подойдетъ къ нему, да губами посмокчетъ, какъ увидитъ, что добрые люди все уже выбрали.

Съ этими словами Охримъ приложилъ свою лопату къ окраинѣ крышки котла.

Вдругъ что-то подъ землею загудѣло; котелъ стремглавъ опустился подъ землю, оставя за собою глубокую яму, которая тотчасъ засыпалась обрушившеюся землею.

— Не дастся! воскликнули супруги. — Это все бѣсова Кулина дѣетъ!—прибавила Охримиха.

— Не какой другой чортъ! присовокупилъ Охримъ.

Оба со вздохомъ вылѣзли изъ ямы и вслѣдъ за ними обрушилась парытая земля и могила стала какъ-будто нетронутою.

Въ совершенной безнадежности прибѣжали они домой. Счастье было такъ близко и ушло; пропали труды бѣдняковъ, какъ пропадаютъ они часто и при работахъ другаго рода. Охриму стало горько, но онъ готовъ былъ примириться съ судьбою и покинуть блестящія надежды. Не такова была его половина. Она была увѣрена, что только козни Кулины помѣшали имъ, и на другой день, когда ея мужъ опять погналъ стадо въ поле, отправилась къ Кулинѣ.

— Богъ съ вами, тетушка, сказала Охримиха:—не захотѣли вы намъ добра. Богъ съ вами?

— А что, кладъ не дался? сказала Кулина, не подозрѣвая, какъ и прежде, что и впрямъ тутъ идетъ дѣло о кладѣ.

— Не дался по вашей милости! сказала Охримиха.—Ужь коли вы въ этомъ силу знаете, и коли вамъ самимъ не нужно, такъ будьте милостивы, не мѣшайте нашему счастью. Сами посудите, у насъ маленькія дѣти, ѣсть всѣмъ хочется, а недостатки.... черевиковъ не начто купить. Пани-матка! будьте милосерды; въ вашихъ рукахъ наша доля. Позвольте взять кладъ. Вѣдь ужь вѣрно на то Божья воля, чтобъ этотъ кладъ намъ дался; колибъ не такъ, такъ онъ бы и не показался; а что онъ не дался, такъ только оттого, что вы не попускаете. Пани-матка! смилуйтесь!

И Охримиха поклонилась Кулинѣ въ ноги.

Только теперь начала понимать Кулина, что дѣйствительно Охримъ съ женою искали клада. Надобно было хитро выпытать всю ихъ тайну. Кулина не измѣнилась ни въ лицѣ, ни въ голосѣ, сохраняя видъ, будто ничего новаго не узнала, будто и прежде говорила серьёзно о кладѣ, и сказала.

— А за чѣмъ же не пришли ко мнѣ да не поклонились? За чѣмъ меня обманывали? Вишь, ты пришла ко мнѣ просить лопаты и говоришь, что хочешь грядки копать, а я тебѣ говорю: врешь, не

грядки копать, а кладовъ искать. А ты начала божиться, да клясться, что нѣтъ. Вотъ тебѣ за то и не дался кладъ!

— Виноваты! говорила Охримиха, кланяясь въ землю:—простите!

— Ну, говори, сказала Кулина:—какъ все было у васъ, да смотри, не бреши; я все напередъ знаю, да одной покорности отъ тебя жду. Коли сбрешешь, такъ я тебя козой переверну; у меня такое слово есть, что только скажу, — такъ козой и перекинешься!

Испуганная Охримиха разсказала ей все подробно, и сильно боялась, какъ бы чего нибудь не забыть да не переврать: не хотѣлось ей стать козою.

— Безъ меня вы ничего не сдѣлаете, сказала Кулина: — а со мною и кладъ достанете, и на корысть его себѣ оборотите. Слушайте жь: никому ни гугу! Сами не ходите; а когда я позову, тогда и пойдете со мною! Теперь совсѣмъ не время клады копать; надобно молодаго мѣсяца дождаться.

Охримиха воротилась домой съ обновленною надеждою, что если не теперь, такъ на молодомъ мѣсяцѣ, а все-таки получитъ кладъ; и опять въ воображеніи ея запестрѣли кораллы, кресты и зеленыя исподницы.

Но Кулина себѣ на умѣ. Она не думала да и не умѣла помогать Охримихѣ, а разсудила обратить въ свою пользу чужую находку. Пересказала она все своему мужу Пархому. Оба въ радости порѣшили въ слѣдующую же ночь ѣхать рыть кладъ.

— А чтожь мы будемъ дѣлать, коли, видишь, кладъ не дается?— сказалъ Пархомъ, опомнившись послѣ перваго впечатлѣнія.—Развѣ ты какое нибудь слово знаешь?

— Слыхала я, сказала Кулина:—отъ старыхъ людей, давно слыхала, когда еще дѣвовала, что скарбы не даются по грѣхамъ нашимъ; могутъ только взять его такія руки, которыя съ роду не грѣшили. Мы возьмемъ съ собой свою Оксанку; ей всего девять лѣтъ; она еще не успѣла нагрѣшить и Бога прогнѣвить. Какъ докопаемся до котла, такъ и заставимъ ее выбирать оттуда все, что тамъ есть.

Настала ночь. Пархомъ запрегъ свою шкапу въ возъ, сѣлъ съ женою: посадили они между собою дѣвочку. Прибыли къ могилѣ; принялись копать.

— Эко диво!—воскликнулъ Пархомъ, выкопавши яму въ полъ-аршина.—Какъ легко копается! Словно, кто съ-исподу землю поднимаетъ и выкидываетъ.

— На что мое женское дѣло, замѣтила Кулина: — копаю пристально, а не утомилась.

Копаютъ часъ, копаютъ другой; вотъ уже выкопали яму аршина въ четыре. Вдругъ Кулинина лопата ударилась о что-то желѣзное.

— Скарбъ! закричала она.

— Скарбъ!—закричалъ Пархомъ, пробуя въ тоже мѣсто своей лопатой.

Дружно принялись они обкапывать землю и появился предъ ними огромный желѣзный котелъ.

— Теперь иди сюда, дитя наше, любое чадо, сказалъ Пархомъ, взялъ дѣвочку и посадилъ подлѣ котла. — Бери на свое счастье.

Дѣвочка безъ труда открыла крышку котла; предъ глазами обрадованныхъ супруговъ въ немъ были до самаго верха серебряныя деньги.

— Твое счастье, твое счастье, дитя, повторяли оба. — Выбирай да намъ подавай.

Мать поспѣшно выскочила изъ ямы, разослала на возѣ рядно и приготовила мѣсто складывать деньги. Дѣвочка горстями подавала ихъ отцу, а отецъ изъ ямы передавалъ женѣ; такимъ образомъ, скоро наклали половину воза. Котелъ оказался очень глубокъ. Дѣвочка, нагибаясь, не могла уже доставать изъ него денегъ.

Тогда отецъ посадилъ ее въ котелъ.

Едва только дѣвочка протянула изъ котла ручонки полные денегъ для передачи отцу, который нагнувшись стоялъ надъ котломъ, вдругъ крышка быстро захлопнулась и котелъ съ гуломъ провалился подъ землею, оставляя за собою глубокую яму, которая въ минуту засыпалась обрушившеюся землею.

Жалобный крикъ дитяти раздавался подъ землею: ой тату! ой мамо! ой тату! ой мамо!

Отецъ, какъ сумасшедшій, выскочилъ изъ ямы и вслѣдъ за нимъ обрушилась нарытая земля и могила стала какъ будто нетронутая и въ могилѣ раздавалось глухо, протяжно и жалобно: ой тату! ой мамо!

— Сатана! Дьяволъ! возьми свои проклятыя деньги! отдай мою дочку!—кричала изступленная мать. — Возьми мою душу на придачу, только дочку отдай.—Она опрокинула съ воза деньги на землю. Копай, копай, Пархомъ, дитя еще живо! Дьяволъ взялъ ее за деньги! Не надобно намъ денегъ! Пусть отдастъ назадъ нашу дочку, а мы ему воротимъ всѣ его деньги.

Пархомъ принялся копать снова; отчаянно принялась за работу и Кулина — и опять словно кто съ исподу землю поднимаетъ, еще легче копается, чѣмъ прежде. Слава Богу! Надежда оживляетъ ис-

пуганныхъ. Крики дитяти все ближе, все ближе. Вотъ наконецъ Пархомъ стукнулъ въ котелъ лопатой.

— Жинка, сказалъ онъ: бросай деньги сюда! а самъ между тѣмъ обкапывалъ котелъ. Жена тащила было въ яму рядно съ деньгами.

Но едва только котелъ показался, какъ вдругъ съ гуломъ провалился подъ землю, оставляя за собою глубокую яму, которая въ минуту засыпалась обрушившеюся землею.

Жалобный крикъ дитяти раздавался подъ землею: ой тату! ой мамо! ой тату! ой мамо!

— Да чтожь это такое! — кричали родители. За чѣмъ же мы погубили дитя свое! Будемъ молиться Богу. Согрѣшили мы передъ Господомъ. Будемъ каяться, просить прощенія и милости.

Пархомъ вылѣзъ изъ ямы и вслѣдъ за нимъ обрушилась нарытая земля, и могила стала какъ будто нетронутая, а въ могилѣ раздавалось глухо, протяжно и жалобно: ой тату! ой мамо! ой тату! ой мамо!

Они молятся, плачутъ. Молитва и слезы, говорятъ, исцѣляютъ скорби сердца. Они помолились, поплакали и принялись снова за работу. И снова, еще пуще прежняго, какъ будто кто съ-исподу землю поднимаетъ и выкидываетъ. Какъ будто самъ котелъ къ нимъ вылѣзаетъ. Вотъ недалеко.... недалеко.... дружнѣе принялись копать родители.... голосъ дѣтскій все ближе и ближе.... Наконецъ лопаты ударились въ котелъ.

— Дочка! тутъ? — кричатъ родители.—Дочка, вылѣзай скорѣе, Господь съ тобой! Господи, благослови.

Оба разомъ хотѣли схватиться за крышку, чтобъ приподнять ее, но котелъ съ гуломъ провалился подъ землю, оставляя за собою глубокую яму, которая въ минуту засыпалась обрушившеюся землею. Жалобный крикъ дитяти раздавался подъ землею: ой тату! ой мамо! ой тату! ой мамо!

— Пропала, пропала! Нѣтъ спасенія! въ отчаяніи закричала мать, схватила себя за волосы и съ дикимъ смѣхомъ во весь духъ пустилась бѣжать по полю. Пархомъ машинально вылѣзъ изъ ямы, и вслѣдъ за нимъ обрушилась нарытая земля, и могила стала какъ будто нетронутая, а въ могилѣ глухо, протяжно и жалобно раздавался какъ будто уже ослабѣвавшій крикъ дитяти: ой тату! ой мамо! ой тату! ой мамо!

Въ изнеможеніи силъ стоялъ Пархомъ надъ деньгами. Утренняя заря почти совершенно прогнала ночную темноту. Голосъ дитяти въ могилѣ раздавался какъ будто все дальше, все дальше, наконецъ сталъ до того слабъ, что Пархомъ не могъ себѣ дать отчета:

слышитъ ли онъ его дѣйствительно, или только въ испуганномъ ухѣ онъ отзывается по памяти. Наконецъ онъ исчезъ совершенно.

— Деньги! охъ вы деньги! сказалъ Пархомъ. Проклятыя деньги! Дьявольскія деньги! Продалъ я за васъ дочку мою, кровь мою, рожденіе мое. Продалъ я за васъ и душу свою. За семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Буду же я съ вами жить проживать, добра свѣтоваго ужи-вать, пока черти не потащутъ за васъ на уголья.

И собралъ Пархомъ деньги, положилъ на возъ, прикрылъ рядномъ, сѣлъ на возъ и поѣхалъ.

— Глупая жена, куда-то забѣжала, думалъ онъ:—можетъ быть въ водѣ утопится или о камень разобьется. Чортъ съ нею! Съ деньгами и другая будетъ. Что за невидаль жена! Лишь бы деньги, а то ихъ сотня найдется. Теперь же что мнѣ дѣлать? За разъ итти къ пану да откупиться? Нѣтъ, постой дурень Пархомъ, не такъ! Панъ начнетъ допрашивать: гдѣ денегъ взялъ,... станешь брехать, высѣкетъ—по неволѣ сознаешься, а когда сознаешься, такъ панъ и деньги отниметъ и воли не дастъ! А я лучше припрячу деньги, да никому, никому не скажу, да найду такого смысливца, чтобъ мнѣ фальшивую бумагу написалъ; тогда я съ этою бумагою, да съ деньгами и уйду далеко, далеко уйду... за Волгу уйду....да тамъ и буду себѣ жить, какъ панъ. Сострою большущій себѣ каменный домъ, въ купцы запишусь, чай пить буду каждый день.

Съ такими планами о будущности пріѣхалъ Пархомъ домой, остановилъ свою шкапу у порога, слѣзъ съ воза и прежде всего хотѣлъ нести деньги въ хату. Онъ раскрылъ рядно... Но передъ нимъ лежали не деньги, а трухлыя, перегнилыя кости, какъ видно человѣческія: тутъ были и ямки для глазъ и ушей, и челюсти съ зубами, и пальцы, и колѣнки, и ребра... весь человѣкъ разобранный по составамъ, да не одинъ человѣкъ, а видно много ихъ.

Какъ увидѣлъ это Пархомъ, покачалъ головою да и побѣжалъ въ сѣни. Досталъ онъ тамъ веревку, пошелъ съ нею подъ повѣтку, сталъ на ослонѣ (скамьѣ), старательно на одномъ концѣ веревки завязалъ петлю и надѣлъ себѣ на шею, а другой конецъ заткнулъ за соху и завязалъ, потомъ оттолкнулъ отъ себя ослонъ ногою. Глаза у него выпучились, лицо сперва побагровѣло, а потомъ посинѣло, ноги прижались крѣпко одна къ другой, языкъ высунулся по горло... и заклякнулъ Пархомъ, неуспѣвши распречь своей шкапы.

На другой уже день въ селѣ явилась Кулина, вся окровавленная, избитая, растрепанная. Она была безъ памяти и безъ разсудка. Страшно выла, и какъ будто приплясывая ногами, приговаривала дикимъ голосомъ: ой тату! ой мамо! Не могли отъ ней ничего допроситься. Другихъ словъ она не говорила, одно да одно: ой тату!

ой мамо! Добрые люди изъ состраданія взяли ее къ себѣ, но она, поживя у нихъ день, убѣжала, нѣсколько дней безъ пищи и безъ ночлега бѣгала по лѣсамъ и степямъ и наконецъ утонула въ прудѣ. Только по чистосердечному сознанію чередника и жены его узнали, что это была за исторія, погубившая цѣлое семейство.

Съ тѣхъ поръ прозвана страшная могила «дитячею». Никто больше не осмѣливался искать въ ней клада, зная, что тамъ клада нѣтъ, а владѣетъ ею нечистая сила, приманивающая человѣка на погибель души и тѣла.

II.

ПЛАЧЪ НА МОГИЛѢ.

Ой зійду я на могилу
Та погляну у долину,
А въ долині кущчъ калини,
А въ тіеи калиноньки
Ажъ до землі віти вьютця.
А въ тіеи дівчиноньки
Ажъ по землі слйозы льютця.

Малор. нар. пѣсня.

— Много у васъ на полѣ могилъ? спросилъ я у одного поселянина, жителя волынскаго мѣстечка.

— Такъ много, пане, отвѣчалъ онъ, что и счету нѣтъ. Куда ни поглянешь, могилу увидишь! На иныхъ фигуры поставлены,—паны когда-то ставили, кое-гдѣ стоятъ, а кое-гдѣ повалились и упали. Такъ и лежатъ; никто не подниметъ.

— А что у васъ говорятъ про эти могилы? Кто насыпалъ ихъ и давно ли онѣ стоятъ?

— А Богъ ихъ знаетъ, пане. Кто говоритъ, что въ старые годы, когда татары воевали, такъ наши насыпали могилы и ставили на нихъ сторожевые признаки: огни зажигали, какъ увидятъ татаръ, да съ одной могилы на другую вѣсть подавали; вотъ люди видѣли да и прятались. А кто говоритъ, что давно уже — не за нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ памяти — живали тутъ иные народы; такъ они мертвыхъ хоронили. Кто говоритъ, что тутъ клады закопаны. Давно дѣлось, пане, кто его знаетъ!

— Ну, а этакихъ разныхъ страстей не бываетъ на могилахъ? Напримѣръ, не увижается ли кому нибудь чего? Не показывается ли чего на могилахъ ?

— Говорятъ люди много, да Богъ его знаетъ: правда ли?

— Ну, а что говорятъ?

— Да говорятъ, что часомъ на могилахъ огни показываются, такъ будто бы клады перегораютъ. Богъ знаетъ, пане, мало ли чего говорятъ! Да видно, никто съ этихъ кладовъ не разбогатѣлъ.

Этотъ духъ сомнѣнія въ поселянинѣ былъ притворный. Если вы спросите мужика о его вѣрованіяхъ, онъ часто покажетъ вамъ недовѣріе къ чудесамъ, о которыхъ слышалъ отъ другихъ, но потомъ какъ войдетъ въ разсказъ, тогда покажетъ, что и самъ вѣритъ въ тоже. Такъ было и теперь.

— Вотъ подъ Острогомъ, сказалъ я: — мнѣ говорили, что изъ одной могилы выскочилъ козакъ на конѣ съ копьемъ, да такъ незнать куда и дѣлся! Много людей видѣло.

Тутъ поселянинъ ободрился и началъ мнѣ говорить:

— Было, пане, и у насъ, лѣтъ двадцать диво. Нечего таить, было. Это и теперь вамъ скажутъ люди, что сами видѣли, да и батюшка покойникъ — Царство Небесное, умеръ годовъ шесть тому — тоже видѣлъ!

— Что же такое?

— Есть у насъ недалеко отъ мѣстечка могила: — на царинѣ стоитъ.... она не люже и высокая, да и не мала; такъ себѣ могила! Одинъ разъ этакъ — осенью было — ѣдутъ наши мужики съ поля, снопы возили. Солнышко только что зашло. Вотъ, ѣдутъ они по дорогѣ, а могила эта будетъ отъ нихъ саженъ съ десять, и видятъ они: сидитъ на могилѣ дивчина; одежда на ней красная, волосы черные да длинные, такъ по плечамъ и лежатъ; сидитъ да плачетъ, такъ горько плачетъ, да тужитъ: то къ землѣ припадетъ, то привстанетъ, то за голову обѣими руками возьмется да качаетъ головою, то голову спуститъ, да рукою подопретъ, да плачетъ, да тужитъ. Кто бъ это? думаютъ люди. Незнаютъ. Остановились, посмотрѣли, а она сидитъ да плачетъ и не замѣчаетъ, что на нее смотрятъ. Сперва они подумали, что такъ какая-нибудь изъ мѣстечка пришла сюда плакать сама-себѣ; знаете, мало ли горя бываетъ? у всякаго свое лихо... Можетъ быть, грѣшнымъ часомъ прожениxалась, такъ дѣвованье свое оплакиваетъ, Богъ съ нею! Поѣхали себѣ мужики своей дорогой, а она все сидитъ да плачетъ. На другой вечеръ ѣдутъ они съ поля, опять тоже все дивчина: сидитъ на могилѣ, да плачетъ, да такъ тужитъ и голоситъ, что даже отголосокъ раздается! Тутъ пришло людямъ на удивленье: за чѣмъ бы этой дивчинѣ приходить по вечерамъ на могилу и плакать? Ужь, конечно, на могилѣ никого не похоронятъ; плакать не надъ кѣмъ; а если свое какое ни есть горе, такъ плакала бъ себѣ разъ на могилѣ,

а въ другой разъ и дома слезы выливать можно! Пріѣхали въ мѣстечко, спрашиваютъ одного, другаго; а тутъ и другіе, что впереди и позади ихъ ѣхали, тоже видѣли и тоже дивуются. Утромъ поѣхали люди въ поле мимо этой могилы, никого нѣтъ! Вечеромъ, опять ѣдутъ, — опять сидитъ, да плачетъ, и не видитъ, и не замѣчаетъ, что на нее всѣ глаза вытаращили. «Это не дивчина, сказали тогда люди, это мара». Мара, мара, повторяли другіе да съ поля и поѣхали. Пріѣхали въ село, распрягли коней и воловъ, отдѣлались по хозяйству, да и сошлись на улицѣ,—ночь же была мѣсячная, — стоятъ да разговариваютъ про дивчину, а тутъ и атаманы подошли. «Что у васъ за сборище?» спрашиваютъ. «Такъ и такъ, говорятъ, дивчину на могилѣ третій вечеръ видимъ. «А пойдемте всѣ гурьбою!» говорятъ атаманы. И пошли. Оно, знаете, не далеко; вышли на царину, могилу и видно; а на могилѣ никого нѣтъ. На четвертый вечеръ ѣдетъ домой съ поля людей уже большая сила вмѣстѣ; разнеслась вѣсть, что дивчина послѣ заката солнца является, такъ всякому хотѣлось повидать: они вмѣстѣ собрались и ѣдутъ. Тогда, только, что подъѣхали, а она сидитъ, да плачетъ и тужитъ, какъ прежде. Они на нее смотрятъ, она не глядитъ на нихъ. Напослѣдокъ, кто-то вскочилъ на половину могилы, дальше боится идти, — сталъ, да какъ крикнетъ: «дивчино, чего ты плачешь? Что ты такое есть?» А она такъ и пропала. «Вѣрно кладъ! Это кладъ показывается!» заговорили люди. А другіе говорятъ:— «нѣтъ, это не кладъ, это чья-то душа плачетъ!» То и сё, то и сё. Пойдемъ къ батюшкѣ. Пошли къ батюшкѣ. Разсказываютъ ему. А батюшка имъ и говоритъ: «сегодня суббота, завтра воскресный день; всѣ люди дома, соберемтесь, да всѣ и пойдемъ туда, и я съ вами.» Переждали мы день. Насталъ вечеръ; мы и пошли, и батюшка съ нами, и причетъ весь съ нимъ. И пошли мы нарочно раньше, до захода солнца, пока еще дивчина не являлась, хотѣлось намъ видѣть, какъ и откуда она явится. Вотъ вышли мы на царину,— видна могила, а на могилѣ никого нѣтъ; мы ближе, нѣтъ никого, а солнышко опускается, опускается; мы ужь совсѣмъ подходимъ къ могилѣ, а тѣмъ часомъ и солнышко спряталось за гору; и только что не стало солнышка,—глядимъ, а она сидитъ на могилѣ: такъ, Богъ ее знаетъ, откуда и взялась, сидитъ и плачетъ, да тужитъ. Батюшка съ крестомъ такъ прямо и взошелъ на верхъ могилы и сталъ подлѣ ней, смотритъ на нее; а она какъ будто ничего не видитъ, не слышитъ, все плачетъ, да тужитъ. Смотрѣлъ на нее батюшка, смотрѣлъ, смотрѣлъ, да послѣ громко какъ выговоритъ: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь». Она ничего, какъ будто ничего не слыхала и не глянула на него, сидитъ себѣ да плачетъ. Тогда ба-

тюшка наклонился къ ней да и сталъ святой крестъ къ ней приближать;рукою-то, знаете, видно, поопасовался тронуть, а крестъ святой — извѣстно, всякую мару прогонитъ! И только что тронулъ ее крестомъ—ея и не стало! Такъ, вотъ, гдѣ и дѣлась! Тогда священникъ тутъ же облачился въ ризу и отслужилъ панихиду по неизвѣстной рабѣ Божіей. Съ той поры уже дивчина никогда непоказывалась. Вотъ уже сколько лѣтъ прошло, никто ея не видалъ. А что оно такое было, — Богъ его знаетъ!

Н. КОСТОМАРОВЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
00025198621

LIBRARY OF CONGRESS
0 002 519 862 1